

© 1993 г.

М.М. НАЗАРОВ

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНЫЙ ПЕРИОД

НАЗАРОВ Михаил Михайлович - кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН. В нашем журнале опубликовал статью (1992. №6).

Введение

Предметом исследования является политическое сознание населения середины 1992 г. Мы попытались ответить на вопрос, каким в условиях углубляющегося системного кризиса было отношение к основным социально-политическим ценностям, а также зафиксировать уровень поддержки наиболее влиятельных на период исследования политических сил. Заранее оговорим, что за рамками исследования остались этнонациональные компоненты идеологических представлений.

Поскольку изучению политического сознания было уделено достаточно пристальное внимание исследователей, остановимся кратко на некоторых важных в контексте нашего рассмотрения результатах.

В последние годы опубликовано несколько работ, в которых для дифференциации политического сознания современного российского общества использовалась оппозиция «либерализм - консерватизм». Последняя выступала в качестве основы теоретической типологии ценностных ориентаций в обществе [1]. Совокупность эмпирических индикаторов «либерализм versus консерватизм» составляли исходную базу для построения порядковой шкалы с аналогичным названием. Зафиксированные эмпирические данные позволили авторам сделать вывод о правомерности распространения этого измерения на политическую, экономическую, правовую и нравственную сферы жизни общества [2]. На основе использования многофакторного теста социального мировоззрения выявлены составляющие и иерархия факторов, разделяющих сторонников и противников радикально-либерального курса правительства (на период февраля-марта 1992 г.). Среди важнейших из этих факторов оказались различия и отношении к таким политическим ценностям как государственная/частная собственность на средства производства и ориентация на сотрудничество со странами Запада [3].

В связи с невысокими объяснительными возможностями традиционного круга социально-демографических переменных была выдвинута гипотеза о латентных детерминантах (факторах), определяющих структуру российского общественного мнения. Получено эмпирическое обоснование наличия двух значимых измерений его пространства (поля). К первому относится измерение «политическое» («идеологическое»), дифференцирующее элементы выборочной совокупности по политическим взглядам и позициям; ко второму относится измерение, различающее элементы выборки в соответствии с ситуативно-личностной оценкой материальных условий жизни, своего бытия [4].

Вопросы о базовых координатах и размерности политического сознания

получили широкое освещение в работах зарубежных исследователей. Здесь обычно выделяется три подхода. (При этом, конечно, содержательное наполнение составляющих «либерализм - консерватизм» несколько отличается от того, что понимается под аналогичными терминами при описании политического сознания современного российского общества.)

Первый подход сводится к эмпирическому обоснованию того, что идентификация населения с конкретными политическими ценностями строго не соответствует рамкам тех или иных идеологических моделей. В частности, политические ценности рядового американца не согласуются с рамками, задаваемыми измерением «либерализм - консерватизм» [5]. Сторонники второго подхода утверждают, что степень соответствия ценностей массового политического сознания и наиболее распространенных в обществе идеологических систем может колебаться в пределах, определяемых конкретной политической ситуацией. Тем не менее, это не означает отсутствия организации политических ценностей в соответствии с наиболее влиятельными идеологическими системами данного общества [6]. В рамках третьего подхода отмечается, что структурирование политических ценностей населения лишь по одному измерению «либерализм - консерватизм» является известным упрощением. Поэтому предлагается использовать многомерный подход, который бы учитывал особенности дифференциации политических ценностей в отдельных сферах жизни общества, например, в политике, экономике и т.д. [7].

О размерности координат политического сознания

Как известно, в рамках различных идеологических систем видение таких базовых категорий как свобода, равенство, справедливость, индивидуализм, демократия, социализм, степень государственного вмешательства в экономическую сферу неодинаково. Для определения того, в каком сочетании перечисленные политические ценности находят отражение в массовом сознании, применена процедура типологического анализа.

Эмпирическую основу анализа составляют результаты, полученные в мае-июне 1992 г. в Москве, Ставрополе, Петрозаводске, Оренбурге (N=1982). Отбор респондентов проводился среди занятого населения методом квотной пропорциональной выборки со связанными параметрами (род занятий, пол, возраст). Используемые данные являются составной частью эмпирической совокупности межрегионального исследования, проведенного Центром социологии международных отношений ИСПИ РАН.

В качестве классификационных признаков использовались следующие оценочные суждения: 1. Государство должно создавать условия для обеспечения работой всех, кто пожелает трудиться; 2. Свобода есть высшая ценность, ради которой можно смириться с ростом экономического неравенства; 3. Государство должно осуществлять контроль над ценами на потребительские товары; 4. Главное, чтобы люди надеялись на самих себя и перестали ждать помощи от государства; 5. История показывает, что демократия приводит к свободе и процветанию, а социализм - к рабству и нищете; 6. Государство должно обеспечивать каждому гарантированный прожиточный минимум; 7. Теперь каждый человек ответственен за свой успех или неудачу, а потому категория социальной справедливости теряет смысл. Выбор именно этих переменных определялся тем, что все из них являлись важными составляющими большинства из существовавших на период исследования наиболее влиятельных систем идеологий. Отношение респондентов к каждому из перечисленных выше признаков измерилось по пятичленной оценочной шкале.

Подробнее в процедуре классификации. Выбор метода классификации обусловлен следующими предпосылками. Известно, насколько осторожно следует

Таблица 1

Типы политических представлений

Переменные	«Либералы»	«Прагматики»	«Сторонники	«Эклектики»
	«Эгалитаристы»		государственно го социализма»	
1	2,6	3,0	3,0	2,9
2	2,8	1,2	1,8	1,1
3	1,4	2,9	2,9	3,0
4	2,8	1,7	2,8	1,0
5	2,6	2,4	1,1	1,0
6	2,4	2,9	2,9	3,0
7	2,6	1,2	2,7	1,0

делать выводы на основе общих интегральных показателей взаимосвязи признаков. Повышение надежности выводов эмпирического исследования связано с использованием специальных методов группировок, в том числе элементов детерминационного анализа. Последний даст возможность выделить комбинации отдельных градаций рассматриваемых признаков, детерминирующих значения некоторых исследуемых характеристик [8].

Процедура анализа эмпирических данных состояла из двух этапов. На первом получены таблица сопряженности для всех пар исследуемых признаков. При этом проведено сжатие оценочных шкал с пяти- до трехчленных. С помощью процедуры кластерного анализа определены наиболее устойчивые сочетания градаций признаков. Это позволило сформулировать гипотезы, ограничивающие рамки поиска возможных детерминирующих комбинаций.

На втором этапе в диалоговом режиме с ПЭВМ проведен детальный анализ-поиск совокупностей градаций признаков, детерминирующих наличие типологических групп в исследуемом массиве данных. Критериями определения существенных детерминирующих комбинаций являлись: а) достаточная статистическая значимость выявляемых типологических групп; б) «вклад» в детерминацию всех взятых для анализа признаков; в) высокая гомогенность типологических групп.

В результате анализа удалось определить несколько устойчивых типов политических представлений, существовавших в массовом сознании. В совокупности типологические группы охватывают 65% эмпирических данных. Заметим, что многие используемые для обозначения типологических групп дефиниции не строго соответствуют их классическим определениям и являются условными. Качественные характеристики каждого из зафиксированных типов политического сознания приводятся в табл. 1 (приведены средние значения переменных в группе, измеренные по трехчленной шкале с градациями «3 - согласен», «1 - не согласен»).

Полученные данные с очевидностью подтверждают существование полярных по своим характеристикам типологических групп. В пространстве рассматриваемых нами политических ценностей таковыми являются группы «либералов» и «сторонников государственно-социалистических ценностей». Типологическую группу «либералов» составили респонденты, разделявшие оценочные суждения о необходимости неравенства, отрицания социализма, важности индивидуализма, необходимости отказа от реализации идеи социальной справедливости и государственного регулирования цен. Антиподом данной группы являлась типологическая группа «сторонников государственно-социалистических ценностей» - по всем из предложенных суждений составляющие ее респонденты высказали противоположные по знаку оценки. Заметим, что с точки зрения соответствующих идеологических систем, логика организации политических ценностей идентифицируемых в данных группах, оказывается достаточно последовательной.

Выделенные группировки политических ценностей можно рассматривать в качестве некоторых идеально-типических конструкций. Наряду с тем, что непосредственно с ними идентифицирует себя часть респондентов, два противоположных типа идеологических представлений образуют полюса, между которыми находятся несколько промежуточных позиций.

Вместе с тем, типологические группы, занимающие промежуточное положение между группами полярными, не удастся выстроить в строгом отношении порядка. Так, «эгалитаристы» оказываются близкими к «сторонникам государственно-социалистических ценностей» в оценках социальной справедливости и равенства. В то же время, существенно отличным от позиции «сторонников государственно-социалистических ценностей» является отношение «эгалитаристов» к категории индивидуализма. «Прагматики» оказываются близкими к «сторонникам государственно-социалистических ценностей» в связи с отношением к социализму. Одновременно отношение «прагматиков» к таким ценностям как индивидуализм, справедливость оказывается сходным с оценками «либералов».

Следует отметить, что большинство респондентов, ориентированных на различные политические ценности, привержены таким традиционным, по крайней мере для советского периода истории представлениям, как широкие гарантии социальной защиты. Во всех типологических группах (за исключением «либералов») порядка 3/4 респондентов высказывались за государственное регулирование цен и другие проявления государственного патернализма.

В целом приведенные данные позволяют предположить, что разделяемые населением политические ценности имеют многомерный характер.

В рамках исследования мы также попытались ответить на вопрос, в какой мере дифференциация политического сознания может быть связана с различиями социально-демографического порядка. Полученные с использованием процедуры факторного анализа результаты свидетельствуют о незначительной тесноте связи переменных социально-демографического блока с факторами, которые объединяли переменные «идеологического» и «материального» измерений.

Вместе с тем, отдельные социально-демографические характеристики целесообразно рассматривать как важные дополнительные переменные. Отметим в этой связи две очевидные в статистическом плане особенности. Первая касается возрастных характеристик - среди респондентов старше 50 лет более активно, чем в среднем по массиву, представлены сторонники государственно-социалистических ценностей (в среднем в два раза чаще). Вторая особенность относится к характеристикам профессиональным. Здесь наиболее ярко проявилось то обстоятельство, что среди интеллигенции, не занятой на производстве, в существенно большей степени представлены носители либеральных ценностей (в 1,5 раза чаще, чем в среднем по массиву).

О противоречивости составляющих политического сознания

Представители типологической группы «эклектиков» выразили согласие практически со всеми из приведенных для оценки суждениями. Напомним, что многие суждения представляли собой важные составляющие, если не взаимоисключающих, то непересекающихся идеологических систем. Какой может быть интерпретация зафиксированного феномена?

Заранее оговорим, что, по всей видимости, имеется несколько взаимодополняющих объяснений. Поэтому, не настаивая на каком-либо «единственно верном» варианте, обратим внимание на несколько возможных способов интерпретации.

Согласие со всеми оценочными суждениями может рассматриваться в качестве подтверждения известного в политической социологии явления низкого уровня когерентности составляющих массового сознания. Суть в том, что поддерживающие, например, либеральные принципы, занимают по конкретным вопросам

такие позиции, которые не согласовываются с этими принципами. При объяснении последнего исследователи ссылаются как на влияние общественной среды в тот или иной период, так и на особенности массового сознания. «Внутренняя несогласованность системы убеждений, выступающая на первый взгляд как чисто логический эффект, на самом деле имеет более глубокие корни: источники сцепления являются в меньшей степени логическими в классическом смысле, нежели психологическими, и в меньшей степени психологическими, нежели социальными» [9]. Тем не менее, прямая аппликация приведенных соображений осложняется следующим обстоятельством. По данным исследований низкий уровень согласованности массового политического сознания приходится на относительно стабильные периоды развития. В условиях обострения политической и социально-экономической ситуации уровень когерентности возрастает [10].

Серьезное внимание при ответе на поставленный вопрос следует уделить влиянию социальной среды, точнее - быстро меняющимся социальным условиям. Конец 1991 и первая половина 1992 гг. представляют собой период, когда за предельно короткий временной отрезок произошло резкое понижение жизненного уровня большинства населения. Именно в этот период «теория» кардинальных социальных трансформаций пришла в соединение с практикой, найдя свое выражение в радикальных реформах типа «шоковой терапии».

Следует принять во внимание, что падение жизненного уровня сопровождалось дальнейшей дестабилизацией экономики, широкими перспективами безработицы, угрозой продовольственного кризиса, непрекращающимися межнациональными конфликтами, ростом потоков беженцев. Кроме того, именно на этот период приходится смена координат (практически на обратные) официально провозглашаемых политических ценностей.

Согласие со всеми из предложенных для оценки суждениями может означать «встречу» в сознании людей двух оценочных потоков. Первого - радикально-либерального, являющегося господствующей языковой практикой в политическом дискурсе страны. Второго - совокупности представлений о социальной защите населения. Последние в течение всего перестроечного периода были как бы на периферии общественного внимания, а их присутствие в социальной практике людей зачастую носило неявную форму. Понятно, что резкое ухудшение основных параметров жизнедеятельности широких слоев населения не могло в той или иной мере не актуализировать в сознании значимость того, что в предкризисное время как бы не замечалось и что связано с текущим бытием широких слоев - роли социальных гарантий, государственной системы социального обеспечения.

Говоря о кризисном состоянии общества, следует обратить внимание и на такой момент. По-видимому, в этих условиях начинают «работать» иные специфические способы социальных ориентаций. Сошлемся на такого авторитетного исследователя идеологий как К. Мангейм [11]. В частности, им показано, что для периодов глубоких кризисов характерно ослабление субстанциональной рациональности, т.е. способности человека исходя из данной ситуации выносить суждения и действовать на основании собственного понимания связей в обществе. Так, для примитивного человека природа была непознаваема, и непредсказуемость природных сил вызывала у него глубочайший страх. Для человека индустриального общества источником глубокого непонимания становятся такие явления как кризис экономики, инфляция и т.п. В кризисной для общества ситуации широкое распространение получает желание людей освободиться от напряжения, необходимого для понимания. Происходит актуализация нерациональных или псевдорациональных компонент сознания.

Рост иррациональных компонент сознания современного российского общества отмечался и другими исследователями [12]. Кроме того, был сделан вывод о том, что в условиях кризиса «в обществе происходит массовая десоциализация и

ресоциализация личности, когда индивид, обычно не сознавая, одновременно одобряет (или отрицает) противоположные ценности» [13].

Политические ценности и уровень поддержки партий и движений

Одной из особенностей внутривыборной ситуации в РФ в первой половине 1992 г. является новая расстановка политических сил. Среди прочего, это касается партий и политических движений, действующих на политической арене.

Уровень информированности людей о программных установках партий и движений не высок. Порядка 9—12% опрошенных в различных социальных группах указали на то, что они знакомы с программами партий и движений. Существенно большая часть респондентов (85-90%) были с программами партий не знакомы.

Уровень поддержки населением различных политических сил на период исследования оказался следующим (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Какие из перечисленных ниже партий, общественно-политических движений Вы поддерживаете?»

Партии и движения	Данные в %
Либерально-демократической ориентации (движение «Демократическая Россия», «Движение Демократических реформ», «Московская трибуна» и Социалистической и коммунистической ориентации (движение «Трудовая Россия», Социалистическая партия трудящихся, РКПР, Движение «Единство» и Патриотической ориентации (Российское народное собрание, Российский общенародный союз, РХДД, движение «Отечество»,	15 6 3

* Данные для Москвы, май—июнь 1992 г. (73% никого не поддержали). В отличие от столицы в регионах России уровень поддержки либеральных сил оказался в 1,5—2 раза ниже.

При сравнении приведенных данных с результатами исследования в мае-июне 1991 г. отметим следующие моменты. Увеличилась политическая апатия - почти в два раза (с 42% до 73%) возросло число респондентов, не выразивших поддержки представителям ни одной из групп политических сил, действующих на политической арене.

Произошло существенное уменьшение поддержки наиболее влиятельных в последние годы политических сил. Причем с середины 1991 до середины 1992 гг. это в большей мере касалось организаций и движений либерально-демократической ориентации. За этот же период заметно упал престиж российских политических лидеров, включая Президента РФ, в большинстве социально-демографических групп населения. В то же время в два раза возросло число респондентов, указавших, что «на сегодня нет политических деятелей, которые пользуются у них авторитетом».

Существует определенная связь между идентификацией респондентами различных политических ценностей и поддержкой ими организаций различной политической ориентации (табл. 3).

В связи с анализом партийных предпочтений рассмотрим кратко вопрос о видении людьми виновников трудностей повседневной жизни.

Зафиксированные в течение последних трех лет эмпирические данные позволяют утверждать следующее. В 1990 и 1991 гг. среди виновников лидировали

Партийные предпочтения, %

Типологические группы	Ориентации партий и движений			Никого не поддержали
	либеральная	социалистическая	патриотическая	
«Либералы»	34	–	2	64
«Эгалитаристы»	13	3	3	81
«Прагматики»	5	10	2	83
«Сторонники государственно-социалистических ценностей»	1	35	5	59
«Эклектики»	23	1	–	76

«представители центральной власти», «представители партийного (КПСС) аппарата» и «теневая экономика». К середине 1992 г. наблюдается общее повышение уровня номинаций большинства объектов - виновных, по мнению опрошенных, в нынешних трудностях. В ранжированном ряду (с возросшим отрывом от других) ведущие позиции продолжали занимать «представители центральной власти», а затем «теневая экономика». Уровень номинаций представителей влиятельных политических сил, обладавших властью не так давно или владевших ею на период исследования - «коммунистов» и «демократов» - оказывается теперь сопоставимым (23% и 16% соответственно).

Таким образом, престиж представителей всех наиболее влиятельных на период исследования политических сил оказался низким. Начиная с 1985 г., исследователями правомерно, на наш взгляд, выделяются два цикла изменения массовых настроений. Во-первых, цикл, приходящийся на первые пять перестроечных лет; во-вторых, цикл 1990-1991 (1992) гг. В отличие от первого, для второго цикла характерно усиление неверия в какие-либо возможности улучшения положения вообще, безотносительно к политической окраске ситуации [14].

Апатия как элемент политической культуры в постперестроечный период

Приведенные выше данные о нарастающей политической апатии населения характеризуют важную особенность политической культуры общества постперестроечного периода в целом. Здесь под политической культурой общества мы понимаем общие ориентации граждан на политические объекты [15]. Кроме того, при изложении данного раздела автор основывается на послышке о том, что в значительной мере наше общество по своей культуре традиционно или почти традиционно.

Исходя из того, что существуют определенные соотношения между составляющими политической культуры и социально-политическими условиями ее формирования, попытаемся кратко проследить, какие обстоятельства могли лежать в основе зафиксированных нами данных. Во-первых, речь идет об особенностях политической ментальности советского периода; во-вторых, о характере изменений в жизни и сознании населения, происходивших в перестроечный период; в-третьих, о состоянии общества в постперестроечный период.

Напомним, что среди важнейших параметров политической культуры, сложившейся к началу перестроечного периода, можно было выделить следующие: кризис ценностей официальной советской идеологии; отчуждение большинства населения от участия в политических процессах и от власти; высокий уровень политической апатии и распространенная политико-правовая неграмотность населения; рост недовольства (прежде всего социально-экономического плана) и, соответственно, недоверия к органам власти; ожидание харизматически одаренного лидера, способного изменить положение дел к лучшему; широкое распространение эгалитарных настроений.

Как известно, в сознании широких слоев общества первые перестроечные годы рисовались как нечто такое, что должно дать быстрый и ощутимый позитивный результат во многих областях жизни и прежде всего самых насущных. На формирование именно такого образа реформ была направлена деятельность мощного тогда аппарата и средств массовой информации. Естественно, что это нашло отклик и породило достаточно высокий уровень ожиданий.

По мере перестройки, наряду с ростом экспектаций, происходит политизация массового сознания, все большее число людей оказывается включенным в сферу политики (по крайней мере, на уровне обсуждения политических вопросов). В 1988 г. начинается политическая реформа, открывающая в принципе путь альтернативным выборам. Параллельно с этим нарастает разрыв между первоначальными ожиданиями и ухудшением положения дел в реальности (прежде всего в сфере материального благосостояния). Это в свою очередь приводит к явлениям фрустрационного порядка, с одной стороны, и к радикализации массовых настроений - с другой. Так, например, по данным ВЦИОМ, в январе 1990 г. в РФ 53% опрошенных выступали за радикальные реформы, в то время как 30% респондентов предпочли постепенные реформы [16].

Говоря о распространенности радикальных настроений, примем во внимание несколько моментов.

Во-первых, в ряде социально-психологических исследований показано, что обыкновенному человеку в принципе свойственно принятие простых, «черно-белых» решений [17].

Во-вторых, следует иметь в виду, что перестройка на официальном уровне зачастую отождествлялась с революцией, направленной на преобразование всех сторон жизни советского общества. Массовому сознанию, по существу была предложена не только цель, но и методология достижения намеченного. По нашему мнению, предложенное в значительной степени оказалось адекватным сложившейся политической ментальности. Дело в том, что вся жизнь советского общества несла на себе печать радикальных подходов [18]. Попытки революционного по своим подходам переустройства бытия с той или иной долей активности продолжались в течение всего советского времени. Поэтому, несмотря на отчуждение от системы доперестроечного периода, людям было привычно ожидать именно такой способ решения проблем. Это тем более так, потому что начертанные на знаменах перестройки практические цели - решение повседневных проблем и, прежде всего, повышение уровня благосостояния населения - отвечали запросам самых широких слоев.

В-третьих, целесообразно учитывать, что изучаемое нами политическое мышление наследует определенные установки, присущие национальной культуре в целом. Некоторые из них напрямую корреспондируют с проявлениями радикализма: максимализм, страстность, неумение идти средним путем, отсутствие меры [19].

Сошлемся в этой связи и на Н.А. Бердяева, отмечавшего совпадение структуры революционного социалистического мифа и отдельных черт русской национальной ментальности. В частности, он писал: «Русский народ в глубинных явлениях своего духа наименее прикованный к ограниченным формам быта, наименее дорожащий установленными формами жизни. В русском человеке легко обнаруживается нигилист. Все его бытие протекало в крайних противоположностях. И всегда есть устремленность к чему-то бесконечному. У русских всегда есть жажда иной жизни, иного мира, всегда есть недовольство тем, что есть. Эсхатологическая устремленность принадлежит структуре русской души... Русские в большей или меньшей степени, сознательно или бессознательно - хилиасты» [20].

По нашему мнению, в период перестройки приведенные особенности политической культуры оказались в уникальном историческом сочетании с экспектациями людей от грядущих социальных трансформаций. По всей видимости,

несмотря на крушение социалистического мифа, перечисленные черты ментальности так или иначе продолжали существование и находили свое выражение в различных сферах бытия, в том числе социально-политической.

Как известно, среди целей трансформации советского общества, прокламируемых в последние 7-8 лет как на уровне господствующих политических элит, так и разделяемых большинством населения (по крайней мере, городского), были быстрое вступление страны в лоно мировой цивилизации, интеграция в мировую экономическую систему, в мировой рынок. В качестве образца «нормального», «цивилизованного» развития массовому сознанию предъявлялись социальные результаты (в первую очередь высокий уровень материального благосостояния) и опыт решения тех или иных проблем в странах, которые принято называть индустриально развитыми. При этом обсуждение заявленного в рациональных координатах «цель - средства» происходило в этот период крайне редко. Вопросы о реальности подобных вариантов развития в пространстве существующих решений, о типе структурной модернизации, о возможной социальной цене реформ и т.п. попросту ушли в тень.

На уровне массового сознания необходимую рациональную нишу заняли всякого рода трансформации «каргоистского культа», т.е. мифа, который сопутствует в традиционном обществе ожиданиям экономического роста. Подобный феномен достаточно подробно описан исследователями процессов модернизации в странах «третьего мира» [21]. Ими, в частности, отмечается, что «развитие представляет собой не только цель рациональных действий в экономике, политике, социальной сфере. Оно еще и, весьма глубоко, сфокусировано на надеждах и ожиданиях избавления (освобождения, спасения). В известном смысле развитие является религиозной категорией. Даже для живущих в наиболее ненадежных, маргинальных условиях феномен развития является не только средством улучшения материального благосостояния. По крайней мере, это видение (мечты, грезы) освобождающей трансформации» [22].

Таким образом, политическая апатия населения в постперестроечный период (к середине 1992 г.) определяется, среди прочего, рассогласованием надежд на быстрые результаты развития, с одной стороны, и ощущением резкого углубления кризиса, а во многих случаях очевидного регресса, в том числе в самых насущных областях социального бытия - с другой. Причем имеются основания говорить об определенной культурной обусловленности данного явления.

* * *

В целом картина социально-политических ценностей населения имеет мозаичный характер. Результаты исследования свидетельствуют об отсутствии согласия среди респондентов относительно многих базовых политических ценностей. Показательно, что большинство респондентов, ориентированных на различные политические ценности, разделяют представления о важности государственного патернализма. Эмпирически зафиксировано явление, когда респонденты одновременно поддерживали противоположные ценности. Очевидно, что существовал разрыв между ценностями значительных по величине групп населения и ценностной системой, лежащей в основе реализуемого в первой половине 1992 г. правительственного курса. Одной из важных характеристик массового сознания на период исследования оказалась политическая апатия.

Возможные направления эволюции массового политического сознания кажутся неопределенными и во многом связаны с направлением развития процессов в политическом и социально-экономическом пространстве. В этих условиях актуальной для социальной практики является задача учета политической культуры, в частности, согласования политических ценностей различных групп населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Козлова И Рылева С., Степанов В., Федотова В.* Ценностные ориентации - предпосылка программ переустройства общества // *Обществ, науки и современность.* 1992. № 1.
2. *Кольцов В.Б., Мансуров В.А.* Политические идеологии периода перестройки // *Социол. исслед.* 1991 № 2.
3. *Шмелев АТ.* Психология политического противостояния: тест социального мировоззрения // *Психол. журн.* 1992. №5.
4. *Рукавишников В.О.* Факторная модель структуры общественного мнения и проблемы экологии в современной России//*Социол. исслед.* 1992. № 12.
5. *Converse Ph.* The Nature of Belief Systems in Mass Politics // *Ideology and Discontent.* London. 1964.
6. *Nie N., Verba A., Petrocik J.* The Changing American Voter. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1977.
7. *Asher H.* Presidential Elections and American Politics. Homewoods: The Dorsey Press, 1980.
8. *Чесноков С.В.* Детерминационный анализ социально-экономических данных. М., 1982; *Малахов В.А., Веселое А.А., Дега В.Н., Подрабинович А.Я.* Опыт применения детерминационного анализа в исследовании влияния социально-демографических факторов // *Анализ нечисловой информации в социологических исследованиях.* М., 1985. С. 150-161.
9. *Converse Ph.* The Nature of Belief Systems in Mass Politics // *Ideology and Discontent.* London, 1964. Р. 209. Цит. по: *Баталов З.Я.* Политическая культура современного американского общества. М., 1990. С. 103.
10. *Cristenson R.M., Engel A.S., Jacobs D.H. et al.* Ideologies and Modern Politics. London: Nelson, 1972.
11. *Манхейм К.* Человек и общество в век преобразования. М., 1991. С. 55-57.
12. *Ellman M.* Intellectual and Ideological Barriers to Systemic Change: USSR 1985-1991 // *Second European Association for Comparative Economic Studies. Book of Abstracts.* Groningen. The Netherlands. 1992. Р. 82-84; *Джидарьяк И. А.* Советско-французский диалог по психоанализу и наукам о человеке // *Психол. журн.* 1992. № 5.
13. *Латин Н.И.* Тяжкие годы России (перелом истории, кризис, ценности, перспективы) // *Мир России.* 1992. №1.
14. *Ольшанский Д.В.* Массовые настроения переходного времени // *Вопр. философии.* 1992. № 4.
15. *Kavanagh D.* Political Science and Political Behaviour. London: Allen & Unwin. 1983. P. 50.
16. *Попов Н.* Люди и власть // *Через тернии.* М: Прогресс, 1990. С. 787.
17. *De Solo CB.* The Predilection for Single Origins // *Journal of Abnormal and Social Psychology.* 1961. №2.
18. *Charles F.* Political Life and Social Change. Massachusetts: Duxburg Press, 1974. P. 84-86.
9. *Лосский Н.О.* Характер русского народа. Часть первая. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1957. С. 34-40.
20. *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и XX века // *О России и русской философской культуре.* М.,1990. С. 217.
21. *Berger P.L., Berger B., Kellner H.* The Homeless Mind. Modernization and Consciousness. New York: Vintage Books, 1974.; *Berger P.L.* Pyramids of Sacrifice. Political Ethics and Social Change. New York: Penguin Books, 1974.
22. *Berger P.L.* Pyramids of Sacrifice. Political Ethics and Social Change. New York: Penguin Books, 1974. P. 33.